

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 339.1

DOI: 10.17223/19988648/55/15

Ю.Г. Швецов

ЗАКАТ ЭРЫ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье фундируется ассерторическая ущербность теоретической платформы рыночного хозяйства, доказывается неизбежность исторического вырождения как его самого, так и созданного на его фундаменте общества потребления. Дается характеристика трех неразрешимых противоречий рыночной экономики, раскрывается сущность фетишизации денег, рассматривается механизм функционирования банковской системы как правопреемницы ростовщичества, обосновывается состояние предела капитализма как заключительной фазы его развития.

Ключевые слова: рыночная экономика, частная собственность, труд и капитал, деньги, банки, потребительская и меновая стоимость, предел капитализма

Целая череда аномалий в различных сферах жизнедеятельности общества во всех без исключения государствах мира наглядно свидетельствует о наступающем исходе столетиями длившейся на планете эры рыночной экономики, тремя основными китами которой являются частная собственность, конкуренция и капитал.

Зарождение рыночной экономики началось с замещения общественной (всенародной) собственности частной, возникновения на ее основе бизнеса, который, в свою очередь, закономерно установил конкуренцию среди новоявленных нуворишей. Крепнущий рынок вскоре потеснил безраздельно господствовавшие до него производственные отношения, в которых деньги выполняли функцию средства обращения, вменив им две новые – меры стоимости и средства накопления, резко противопоставив их друг другу.

Впоследствии цена труда стала ограничиваться величиной прожиточного минимума, отражающего возможности простого воспроизводства рабочей силы. Черпая из труда прибавочную стоимость, рынок превратил деньги в чудовищного монстра – капитал, все более «жирующий» по мере расширения масштабов предпринимательской деятельности. Результатом стало полное отчуждение труда от капитала, обрекшее носителя рабочей силы на лишения в мире материальных ценностей, а обладателя богатства – на пресыщенность вещественными благами.

Конкуренция по мере усложнения капиталистического способа производства, расширения и углубления хозяйственных связей постепенно из свободной стала вырождаться в монополию, в условиях которой олигархический бизнес полностью потеснил малый на задворки экономического

пространства. Стоимость созданного монополистами продукта стала лимитироваться предельными размерами материальных издержек, что привело к выхолащиванию из продукта его полезных свойств: атрофированию потребительной стоимости товара, ее низведению до меновой.

Размеры частной собственности неуклонно росли, в сферу ее юрисдикции систематически стали попадать до поры до времени неприкосновенные объекты всенародного достояния. Наконец, их почти не осталось совсем: более-менее годящиеся для извлечения дохода природные ресурсы были переданы в приватное владение и освящены законом.

Все увеличивающиеся диспропорции внутри каждой из этих трех подсистем рыночной экономики – капитал–труд, конкуренция–монополия, частное – общественное – привели к подчинению нищеты роскошью (труда капиталом), малого бизнеса олигархическим (потребительной стоимости меновой) и поглощению общественного частным. Эти противоречия материального базиса общества являются для него неразрешимыми. Производительные силы, основанные на экономической зависимости человека от человека, не способны разорвать эти путы, сформировав новую, более прогрессивную форму производственных отношений: базис не может менять надстройку.

Первое из этих противоречий – антиномия труда и капитала – постоянно воспроизводится в самых разнообразных формах на протяжении всей истории человечества. Свести на нет эту проблему пытались неоднократно, но неизменно безрезультатно. «Ее не удалось разрешить методами “общественного договора” и социального переустройства. История коммунистических (и не только коммунистических) экспериментов XX в. показывает, что она не решается, а лишь трансформируется при замене частного работодателя государством и даже при коллективном владении работниками капиталом предприятия (в которых все-таки образуются противостоящие стороны – менеджмент и исполнители). Во всех этих экспериментах остается то, что было в классическом противостоянии труда и капитала: каждая сторона добивается (активно или пассивно) уступок от другой стороны и рассматривает компромисс лишь как перемирие» [1].

Корень этого антагонизма лежит во всепоглощающем эгоизме каждой из противодействующих сторон, который есть внутренний побудительный мотив и движущая сила капиталистического способа производства, агрессивно противодействующий всем попыткам его замещения альтруизмом в рамках существующего общественного уклада. Примирить, сблизить между собой труд и капитал, привести их к общему знаменателю рынок не сможет никогда.

Трагедия общества, в котором расслоение людей по вещественному признаку приобретает угрожающие размеры, заключается в том, что накопление богатства одним индивидом, неважно, откладывается ли оно впрок или активно используется в хозяйственном обороте для еще большего его произрастания, автоматически обременяет лишениями многих немущих людей. Еще в IV в. святитель Василий Великий назидал: «Попе-

чение о нуждающихся расточительно для богатства... Кто любит ближнего, как самого себя, тот ничего не имеет у себя больше, чем есть у ближнего... Чем больше у тебя богатства, тем меньше в тебе любви... Беден тот, кто нуждается во многом. Богаты мы или бедны, решают наши желания. Любостяжание не знает насыщения... Богатство можем употреблять, как приставники, а не как имеющие право им наслаждаться. И отказывающиеся от него должны радоваться, как уступающие чужое, а не огорчаться, как лишаящиеся собственности» [2].

Но богатство-бедность есть признак расточительного отношения социума к своему достоянию не только в силу причин этического свойства. Еще на заре капиталистического способа производства «...Р. Оуэн и его последователи... в результате экономических изысканий... пришли к выводу, что царящая в обществе нищета не только безнравственна, но и экономически невыгодна обществу. Не капитал, а труд является источником всех богатств» [3, с. 160].

Инструментом сохранения статус-кво, постоянного консервирования этой поляризации – нищеты и роскоши – является чрезмерная концентрация финансовых ресурсов в руках наиболее корыстных общественных сил – олигархов, банкиров, государственных чиновников крупного ранга, верхушки уголовного мира. Все макроэкономические регуляторы государства (прежде всего налоговая и бюджетная системы), его основные институты (собственности, права и т.п.), национальное достояние (леса, вода, недра и пр.) уже давно составляют единый механизм хорошо отлаженной процедуры перераспределения валового внутреннего продукта в пользу богатого меньшинства.

С другой стороны, неумолимая логика товарно-денежных отношений превращает самую многочисленную, но имущественно несостоятельную группу человеческих особей в товар со всеми вытекающими из этого последствиями. Более того, дискриминация людей по материальному положению дополняется их соответствующей сегрегацией по профессиональному признаку: более привилегированное положение в социуме опять же занимают индивиды, целью жизни которых является либо личное обогащение, либо создание условий для обогащения других: юристы, адвокаты, финансисты, биржевые спекулянты, страховщики, т.е. лица, наживающиеся на несчастьях окружающих.

Расслоение людей по размерам личного богатства принимает еще более уродливую форму неравенства – чрезмерного – вследствие все увеличивающейся пропасти между полной ответственностью перед обществом за свои действия отдельно взятой, не занятой накопительством личности (моральной, административной, уголовной и пр.) и «урезанными» обязательствами всех видов бизнес-структур. Степень же такого умаления ответственности последних увеличивается прямо пропорционально росту объема финансовых операций. Достаточно с этих позиций взглянуть на название одной из наиболее популярных организационных форм коммерческих организаций: «общество с ограниченной ответственностью». Наделенные

последней, космополитические корпорации, холдинги, финансово-промышленные группы и т.п. распоряжаются огромными природными, материальными, трудовыми и денежными ресурсами исключительно в корпоративных интересах, пренебрегая государственными.

Товарно-денежные отношения отвергают саму возможность согласования интересов *всех* членов общества. Г.В. Задорожный ошибается, полагая, что на государственном уровне можно не только регулировать приемлемые размеры частной собственности, но и поставить ее на службу удовлетворения общественных интересов при помощи механизма социального партнерства. «Частная собственность и нужна, и опасна в социальном плане... должна быть определена мера ее допущения-использования... В хозяйственной деятельности следует усиленно пропагандировать и применять механизм широко понимаемого социального партнерства, которое позволяет мобилизовать и объединять различные частно-личные ресурсы для достижения общих, общественно значимых целей» [4]. Если волка (частная заинтересованность) допустить в овечье стадо (общественный интерес), то от последнего в скором времени ничего не останется. В рыночной экономике индивидуальный эгоизм стойко первичен и будет всегда преобладать, а групповые потребности для его проявления никогда не были и не будут надежной преградой.

Рыночная экономика была создана с зарождением денег, они же готовят почву и для ее неминуемого краха. Фетишизация денег перешагнула все мыслимые и немыслимые пределы, не осталось ни одной сферы человеческой жизнедеятельности, куда бы они не проникли и не заняли бы господствующего положения, в числе которых оказались наука, спорт, религия, культура, искусство.

«Экономика, – отмечает Ю.М. Осипов, – такое хозяйство, которое осуществляется не ради просто производства и потребления благ, удовлетворения потребностей или даже реализации жизни, а ради... денег, их производства и потребления, удовлетворения денежной потребности и реализации денежной, а лучше было бы сказать – оденуженной жизни... Рано или поздно экономика приходит к своей кульминации – хозяйство осуществляется именно ради денег, а потом уже ради всего остального – неденежного... Экономизм – это экономический расчет, но расчет не просто денежный, с деньгами, посредством денег и в деньгах, а расчет денежного смысла, ими предпринимаемый и ими ведомый, ими предначертанный. Деньги здесь – не милый и безобидный посредник, а суровый и властный руководитель» [5].

В структуре рыночной экономики произошло последовательное снижение доли товарного сегмента с одновременным увеличением гешефтма-херского в виде различных суррогатов денежных средств – ценных бумаг, деривативов, по большей части не подкрепленных реальными финансовыми ресурсами. Это привело к непредсказуемости экономической ситуации в мире, в которой в более выигрышном положении находится финансовая олигархия, подминающая под себя основные денежные потоки и обрекающая на разорение представителей среднего и мелкого бизнеса.

Отмеченная тенденция способствовала созданию системы тотального финансового контроля узкого клана крупных мошенников над ресурсами планеты, сосредоточивших в своих руках рычаги власти, более могущественные по своему потенциалу в сравнении с возможностями национальных правительств. Олигархия правит социумом, которая приватизировала его с целью проведения выгодной для нее политики в важнейших областях приложения частного капитала, и это закономерное следствие разрастания рынка в цивилизации.

Ю. Болдырев подтверждает этот вывод следующими аргументами: «Если попытаться посчитать, кто же в современном мире, кому и сколько должен, получится довольно удивительная картина: все национальные государства в конечном счете в долгу у особого рода корпораций – корпораций банковских. У тех самых банков, коих эти самые государства только что, во время глобального кризиса, интенсивно спасали, предоставляя им из бюджетов, т.е. за счет всех граждан-налогоплательщиков, огромные ресурсы... Рассматриваемая в данном случае проблема касается фактически всего развитого мира; коррупция как глобальный феномен состоит почти в тотальном контроле со стороны международной финансовой олигархии ключевых национальных СМИ, сфер культуры, науки (в том числе, разумеется, обществоведческой) и образования различных стран, а затем и национальных систем формирования органов государственной власти» [6].

Банковский сектор, по существу, паразитирует в рыночной экономике, получая колоссальную сверхприбыль за счет сконцентрированных в нем денежных средств. Функция денег как универсального средства обращения в сущности блокирована и превращена банкирами в ресурс личного их обогащения за счет лиц, либо не имеющих доступа к финансам и берущих их в долг, либо пренебрегающих такой возможностью в силу нравственных ориентиров. Игнорирующая их олигархия стала рассадником бездуховности, навязывая обществу как высшую ценность стандарт показной роскоши и мнимого благоденствия.

Во всех религиях от стародавних времен и до наших дней ростовничество безусловно осуждается и приравнивается к большому греху. Современная банковская система, став его «правопреемницей», наделила себя прерогативой основного столпа нынешней, социально несправедливой экономики. Кредитные учреждения ссужают деньги в рост и получают немалые барыши за счет эксплуатации чужого труда. Ни один товаропроизводитель, сколь бы ни был он предприимчив и трудолюбив, не способен заработать больше современного ростовщика, увеличивающего свое богатство путем заключения в финансовую неволю людей, испытывающих материальные затруднения. Одним из самых чудовищных порождений банковского произвола является ипотека, которую без преувеличения можно назвать пожизненной кабалой для сотен тысяч людей по всему миру. Не случайно в древности «запрещалось принимать в пользу церкви пожертвования от ростовщиков, так как деньги их были несправедливо накопленными. Ростовщикам отказывали в причастии и христианском погребении» [7, с. 231].

Меткая и хлесткая формулировка этому явлению дается Ле Гоффом: «Ростовщичество представляет собой кражу времени, прошедшего между ссудой и ее возвращением, т.е. продажу того, что даровано Богом всем людям в равной степени» [8, с. 85]. Ему вторит Е.Ю. Колычева: «...никто не может торговать временем – Божьим творением, отданным во всеобщее достояние» [9, с. 394].

Ростовщичество противоестественно самой природе денег, возникших в процессе товарного обмена, оно, по словам Аристотеля, «...делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег» [10, с. 395]. Как указывает А.Н. Дубянский, «получается, что ростовщик претендует в какой-то мере на роль Бога по отношению к должникам, т.к. налагает на них долг, который они должны отдать во что бы то ни стало» [11].

Святитель Григорий Нисский создал релевантный образ ростовщика, которого в стародавние времена чаще именовали лихоимцем: «Праздна и своекорыстна жизнь ростовщика. Не знает он ни труда земледелия, ни предприимчивости торговли, но сидит на одном месте, кормя у очага животных. Он хочет, чтобы для него всё росло без посева и обработки земли; плуг у него – перо, поле – бумага, семя – чернила, дожди – время, незаметно возвращающее ему плоды, деньги с процентами. Серп у него – взыскание денег; гумно – дом, в котором вымолачивает имущество угнетенных».

Подчеркивая, что «брать процент с бедных и нуждающихся всё равно, что требовать от высушенного засухой поля больших урожаев», Учитель выделяет три наиболее отталивающих свойства лихоимства:

Праздность. Существование за счет процента, который является результатом труда другого человека, является пагубным и неприемлемым для христианина.

Своекорыстие. На всё принадлежащее его «клиентам» ростовщик смотрит как на своё. Давая в долг, он считает себя правым следить за имуществом должника. Из своекорыстных целей беспокоится о его здоровье и благосостоянии. В глубине души радуется неудачам и бедам людей, не имеющих у него долгов, но вынуждаемых обстоятельствами обратиться к нему за деньгами.

Лицемерие. «Он поступает в жизни противоположно апостольскому предписанию: всё даёт требующим, но не по человеколюбивому расположению к ним, а ради сребролюбия».

Называя обращение за денежной помощью «просьбой о милосердии» и «просьбой хлеба», святитель Григорий Нисский приходит к естественному выводу, что «дать займы – доброе дело, но требовать процент – грех и беззаконие» [2].

Ущемлению труда и защите капитала способствует государство. Централизованные ассигнования всегда олицетворяют собой финансы правящего класса, при господстве которого и налоговая, и бюджетная системы

подавляют личность экономически, не оставляя ей возможностей для расширенного воспроизводства. О превращении бюджета в денежный ресурс бюрократии речь впереди, а пока стоит приподнять завесу тайны с системы налогообложения, обнажив ее истинное предназначение для державы.

Налоги – это узаконенный способ изъятий элитой, находящейся во власти, у населения: собранные с него денежные средства формируют доходную часть бюджета, которая в дальнейшем распределяется сообразно прихотям высшего эшелона чиновников. При этом подавляющая часть налоговых платежей поступает в казну от мало- и среднеобеспеченных слоев населения; крупный бизнес и олигархи, как правило, аннуитетов успешно избегают. Порочность применяемой системы налогообложения заключается не только в преобладании в ней фискального начала, но и в том, что налоговая нагрузка для плательщиков намеренно закладывается в действующие нормы чрезмерная, разорительная для любого предпринимателя. Именно поэтому в основу осуществления налогового контроля положена презумпция виновности любого занимающегося бизнесом, а раздутый фискальный аппарат налоговой службы единственным своим предназначением считает взыскание штрафных санкций с как можно большего числа юридических и физических лиц, нимало не заботясь о их финансовой устойчивости.

На ортодоксальный фискалитет налоговой системы указывает В.М. Пищулов, говоря о том, что «государство устанавливает налог, налагая долговые обязательства на налогоплательщиков, не вступая с каждым из них в двусторонние равноправные договорные отношения и не принимая в каждом отдельном случае на себя каких-либо встречных обязательств... Налогоплательщик... фактически принуждается вступать в налоговые (долговые) отношения. В этом смысле налогоплательщик не свободен...» [12, с. 7].

Действующая система налогообложения – это еще и яркое свидетельство того, как государство собственными усилиями насаждает меркантилизм в обществе. Без сомнения, одним из самых безнравственных налогов из всей совокупности ныне действующих является налог на игорный бизнес, и поощряя азартные игры, власть тем самым напрямую содействует распространению человеческих пороков. Популярность этого вида предпринимательства фактически означает признание законным и легитимным права коммерческих структур на растление населения.

Еще одним значимым фактором, наносящим непоправимый урон рыночной экономике, второй ее неразрешимой апорией является противоречие между меновой и потребительной стоимостью товара как такового. В условиях засилья олигархического капитала последняя им целиком игнорируется, его интерес связан исключительно с первой, следствием чего стало снижение качества подавляющего числа производимых традиционных товаров (в первую очередь продовольственных), а общим правилом большого бизнеса стал принцип: снижение себестоимости произведенного продукта до предельного минимума путем фальсификации ингредиентов и получение за счет этого не разумного размера дохода, а сверхприбыли.

Цинизм глобального бизнеса в силу отсутствия в нем нравственных начал привел к полному игнорированию полезного назначения произведенного продукта, его конечной ценности. Главное – не произвести нужный товар для общества, а продать, затратив на его создание как можно меньше средств, с использованием различного рода суррогатов.

С другой стороны, в условиях частной собственности критерий утилитарного предназначения любого предмета потребления как его потребительной стоимости неизбежно подменяется паллиативом его престижности, отражающим стоимость преимущественно меновую, что деформирует нормальное соотношение спроса и предложения в обществе, является источником непроизводительного или, как его называет Т. Веблен, демонстративного потребления. Это и есть объективная основа вырождения производства, предназначенного для удовлетворения насущных потребностей индивидов, в промысел по изготовлению бесполезных вещей, не обладающих признаками неотложного прикладного назначения. Само зарождение общества потребления изначально как раз и обязано претворению в жизнь этой тенденции.

Вещизм, как это явление называлось в советское время, представляет собой иллюзию, обман незакаленного духовного зрения, ослепленного фальшивым блеском притягательности материальной формы и одновременно искушение, поддавшись которому, человек оказывается рабом все увеличивающегося предметного изобилия. Негативными следствиями этого феномена являются укрепление эгоизма индивидов и извращение понятия красоты, а вечной гонке за обладанием вожаемым неизбежно сопутствует зависть, которая служит главным мотивом многих неблагоприятных поступков – от бесчестия до преступления.

Детерминированный источник вырождения рыночной экономики, третья ее неразрешимая контрадикция – хищнический характер потребления природных ресурсов, узурпированных финансовой олигархией. Природные ресурсы – это дар Божий, предназначенный для всех, бессрочное наследие рода людского, в задачу которого входит не борьба за обладание им, а бережливое к нему отношение путем разумного воспроизводства. Однако в силу особенностей рынка этим достоянием обделена большая часть населения планеты.

Л. Шейнин ошибочно полагает, что «наделение государства правом собственности на природные ресурсы производится не ради того, чтобы закрепить за ним источник дохода, а ради того, чтобы оно управляло ими в интересах народа» [13, с. 248]. Во-первых, нацеленность использования природных ресурсов на общее благо никак не связана с необходимостью заключения их в чью-либо собственность, в том числе и государства. Во-вторых, именно метрополия предоставляет эксклюзивную возможность избранному кругу лиц кормиться за счет недр, принадлежащих всем. Еще одна принципиальная ошибка автора содержится в его заключении о том, что «государственную собственность следует понимать как общенародную собственность. Такое понимание должно базироваться на хорошо разрабо-

танной концепции платности и бесплатности пользования в применении к природным ресурсам, принадлежащим государству» [13, с. 249]. Общественная собственность не может разделять население на группы по принципу возмездности и безвозмездности пользования общим достоянием; это неэтично и нелепо.

Но для рынка нет и не может быть нравственных ориентиров: все, что может иметь стоимость, он автоматически переводит в объекты купли-продажи. «Дармовой» статус природных ресурсов, несомненно, один из самых лакомых кусков для толстосумов, сулящий быструю и легкую наживу.

Д.С. Львов дает исчерпывающую характеристику механизма такого обогащения: «В сознании народов укоренилось ложное представление об источниках национального богатства. Главный упор обычно делается на капитал как определяющую компоненту получения доходов. Ресурсы же, заимствуемые человеком у природы, считаются как бы бесплатными. Поэтому, если износ капитала... закономерно включается в издержки производства, то "износ" природных ресурсов вообще не учитывается».

Ученый приходит к логическому выводу, что «корневой причиной возникающего в результате этого противоречия является существующая в капиталистическом обществе частная собственность на природные блага». Однако разрешение этой парадоксальной ситуации автор находит не в отрицании рыночного механизма, а в некоей его реставрации: «Я веду речь... о необходимости согласования принципа частной собственности с другим непереносимым атрибутом рыночной экономики – свободой и равенством в процессе обмена товаров для всех. А этого можно достигнуть лишь при условии, что собственник земли и природных ресурсов будет выплачивать ренту обществу, а не присваивать себе то, что ему никогда не принадлежало и принципиально принадлежать не может.. В противном случае мы неизбежно будем и далее усугублять глобальное противоречие между Человеком и Природой, между социальным миром и опасностью его уничтожения».

Д.С. Львов глубоко заблуждается, надеясь привить рынку способность к ограничению человеческой алчности: он устроен так, что никакие иные аспекты мироположения, кроме материального, не имеют для него никакого смысла. Рынок, который автор называет «основным (а может быть, и единственным) механизмом самоорганизации любой сложной системы» [14], не может обладать свойством универсальности, он есть прежде всего арена бескомпромиссной борьбы индивидуумов за обладание богатством и возлагать на него надежды на достижение каких-либо благ для всего человечества наивно и беспочвенно. В обществе растет понимание несправедливости распределительных отношений в сфере природопользования. Многие ученые решительно выступают против сложившегося механизма эксплуатации природных ресурсов на планете. Г.В. Мальцев: «Человеческая цивилизация, вступив когда-то на путь частной собственности, переоценила свои возможности пресекать вредное воздействие соответствующих институтов на природную и социальную среду... Земля есть основа

биосферы, образующее естественное пространство для эволюции рода человеческого, она не имеет коммерческой цены, принадлежит как природное достояние всем и никому в отдельности. Пользоваться землей может каждый, кому выпала доля родиться, жить и работать на ней. Государственный территориальный суверенитет и политическая власть над землей – не более чем условная политико-юридическая конструкция, а вот частная собственность на землю – полнейший абсурд. По какому, собственно, праву представители одного поколения принимают закон, т.е. волевое решение: давайте разделим землю на участки, распродадим ее и сделаем частной собственностью. Кто придет в мир позже, родится с опозданием, обнаружит, что вся земля давно поделена и продана, что на него не рассчитывали и ему нет места на земле. Достаточно опыта феодализма, чтобы понимать, что юридическая власть над землей, особенно в условиях крупной земельной собственности, означает политическую и экономическую власть над людьми, проживающими на данной земле... Согласно императивам эволюции, каждое предшествующее поколение обязано передать следующей генерации природу и культуру в состоянии, позволяющем людям жить и работать в нормальных условиях. Наше поколение, к сожалению, не первое, которое не исполняет этой высшей естественной обязанности. Мы эксплуатируем природу и культуру так, как будто являемся последними живущими на земле людьми; торопливо черпаем из источников природных и культурных богатств, растаскиваем добытое по частным углам, рассовываем по отдельно взятым частным карманам. Это не может продолжаться слишком долго, ибо таким образом приближается закат человечества» [15].

М.М. Бринчук: «... если человек – лишь часть природы, то почему эта часть становится центром миропонимания? А не природа, являющаяся колыбелью человека и человечества, основой его жизнедеятельности?.. Если человек, *homo sapiens*, т.е. человек разумный, сам рожден природой, природа является его матерью; по элементарному миропониманию, как, по какому праву он может претендовать на нее как на объект собственности?! ... Особенно подчеркнем: природа всё и всем дает даром! Установление права частной собственности на природу автоматически исключает всех других людей возможностей удовлетворять эти потребности, даже если это сделано “по воле законодателя”».

В условиях здешней цивилизации «богатые» могут, готовы скупить всю природу, сделать ее своей собственностью, вернуть нас ко временам А.Н. Радищева, который писал об алчности дворянства, оставившего крестьянину только воздух [16].

«Мы не произвели природу. Гением человека могут создаваться предметы социальной среды, имеющие преходящую ценность. Природа же как Божье творение – вечная ценность, а человек – ее органичная часть... Притязания человека на природу, на обладание ею в предпринимательских целях в традиционной правовой форме собственности говорят лишь о его низменных качествах, об эгоизме» [17].

Г.Н. Манов: необходимо стремиться к тому, «чтобы сделать мир жилищем разумного человека, создающего свою социальную, природную, космическую миссию» [18].

Ф. Сен-Марк: «Расточение природных богатств – это уже начало кризиса цивилизации. Из всех нехваток самой грозной является нехватка природы, необходимой для экономической деятельности и жизненно важной для самого нашего существования. Наступил новый и, несомненно, последний этап в отношениях Человека и Природы... Будет ли человечество достаточно прозорливым, чтобы отвергнуть систему, которая влечет его к самоубийству, чтобы понять, что оно не может, не разрушив самого себя, сохранять нынешнее общество? Социализировать природу – вот сегодня единственный шанс спасти жизнь на Земле» [19].

А. Тетиор: «Возможности природы удовлетворять растущие потребности общества, во все возрастающих масштабах провоцируемые и поощряемые рынком, исчерпаны давно, по оценкам ученых, в 1986 г. В настоящее время Европа в два раза (!) уже превысила экологические, природо-ресурсные возможности своей территории и живет сверх своих экологических средств» [20, с. 4].

Британские СМИ: «...группа ученых выпустила доклад под названием «Состояние планеты», в котором содержится тревожный прогноз: через 10 лет человечество ждет глобальная экологическая катастрофа... В ближайшем будущем люди могут остаться без воды и пищи, будут истощены биологические и другие ресурсы» [21].

Не лучше положение дел и в России, где практически во всех ее субъектах ухудшается состояние земель, интенсивно развиваются эрозия, дефляция, заболачивание, засоление, опустынивание, подтопление, зарастание сельскохозяйственных угодий кустарником и мелколесьем и пр., что ведет к потере плодородия почвы и выводу ее из сельскохозяйственного оборота [22]. Получается, что общество само уничтожает биологическую среду обитания человека, готовя ему смерть.

Именно такое, т.е. критическое, состояние переживает в настоящее время рыночная экономика. Дело в том, что бытие земное во всех формах своего проявления как в природе, так и в общественной жизни имеет ярко выраженную цикличность. День и ночь, жара и холод, рождение и увядание, прилив и отлив естества соседствуют с богатством и бедностью, скудостью и изобилием, счастьем и несчастьем, спадом и подъемом социума.

Период благополучия на планете (бытие со знаком «плюс»), когда люди наслаждаются достатком, закономерно сменяется промежутком кризиса (бытия со знаком «минус»), в течение которого Сути испытывают всевозможные лишения, испытание которыми создает необходимые предпосылки для переосмысления основ жизни, выявления допущенных в ней ошибок, приведших к печальному итогу. «...Люди периодически страдают от кризисных экономических явлений, как и от других бедствий, по причине умножения своего нечестия. К концу времени этого мира, по христианским воззрениям, эти процессы усилятся, усилятся и постигающие человечество

бедствия... кризисные явления в экономике, как, впрочем, и в других сферах общественной жизни, во многом являются следствием состояния душ членов этого общества» [23].

Если вектор направления обществом задан правильным, то продолжительность и частота кризисов на протяжении эволюционирования человеческой цивилизации невелики, они – лишь следствие неверных тактических решений в следовании безукоризненному стратегическому курсу. Но если последний искажен или выбран ошибочно, кризисы сначала учащаются и удлиняются, затем приходит их черед, а завершается все это крахом, катастрофой.

Критерием безупречности выбранной социумом стратегической линии, маршрута движения цивилизации является их соответствие общим законам Мироздания – этическим нормам бытия. Рыночная экономика им безусловно не соответствует, а потому ее агонизирующая стадия вполне предсказуемо завершится летальным исходом. «Разрыв связи религии и экономической сферы усилился с разрастанием и усложнением системы, которую принято называть капитализмом... К богатству, к деньгам, к собственности всегда сохранялось глубокое недоверие или, точнее, опасение, что эта сфера может захватить душу человека (сребролюбие и любостяжание), увести от Бога. Эти опасения только усиливались представлениями об Антихристовой природе экономики в последние времена» [24].

Нравственное совершенствование личности – естественная, заложенная Творцом, имманентно присущая ей способность. Но с усложнением рыночного хозяйства стал все более увеличиваться зазор между потребностью духовного становления человека и возможностью его воплощения в жизнь. «Современный капитализм оставил далеко позади закон абсолютного обнищания... На этом историческом фоне растущая духовная нищета вполне заменяет физическую... Люди каждый день чувствуют свое ничтожество... Из этого следует, что экономический вопрос сам по себе принимает нравственную форму» [25, с. 8].

Характерным свидетельством вырождения рынка, захлебывающегося в лавине порожденных им противоречий, является утеря капитализмом совсем еще недавно столь стойкого иммунитета к эрозии его ортодоксальных ценностей, появление первых ростков гуманизма на древе эгоизма и корыстолюбия. Ю. Ольсевич замечает: «Психологический конфликт между “неоправданной эйфорией” в погоне за богатством и ограниченным интеллектуальным потенциалом – первый эндогенный источник напряженности в рыночно-капиталистической модели роста; психологический конфликт между чрезмерно жесткой конкуренцией и инстинктом справедливости – второй... Стремление людей к обогащению и конкуренции увеличивает неравенство между ними, а это вступает в конфликт с инстинктом справедливости» [26].

Модель экономического развития общества становится *изжившей*, когда копившиеся в течение длительного времени внутренние противоречия не могут разрешиться в ее рамках, а постепенное возрастание степени их

качественного несоответствия другим элементам сформированной структуры приводит сначала к локальным диспропорциям в стратегически важных областях хозяйствования, а в конце концов – и к развалу самой модели. Именно такая абразия происходит сейчас в рыночной экономике.

Процесс *производства* целиком подчинен узко прагматичной установке на получение сверхприбыли; нравственная неопределенность поставленной цели обуславливает достижение искаженного результата производственной деятельности – фальсификации продукта труда как следствия абсолютизации меновой его стоимости в ущерб потребительной.

В сфере *распределения* стремление индивидов к безудержному накопительству и деформация государства, превратившегося в орган поддержки финансовой олигархии, с одной стороны, и институт подавления общественной активности населения – с другой, ведут к постоянно увеличивающемуся неравенству людей по уровню своего материального благосостояния.

Область *обмена* созданного продукта стала занимать неоправданно широкую нишу в хозяйственной деятельности, намного потеснив сферу производства, породив примат непроизводительного труда над производительным и явив миру невиданные ранее по своим масштабам явления спекуляции и ростовщичества.

Сектору *потребления*, которому принадлежит весьма скромная роль в экономике, рынок придал чрезмерно гипертрофированную форму, превратив его в культ, из средства достижения цели в нее саму, что и вызвало проявление одной из самых низших форм существования человека, выражающееся в прожигании жизни.

Накопление фундаментальных диспропорций при отсутствии реальной возможности их устранения закономерно имеет своим следствием не только внутренний, но и внешний распад системы. По Гегелю, «нечто вместе со своей имманентной границей, полагаемое как противоречие самому себе, в силу которого оно выводится и гонится дальше себя, есть конечное. Конечные вещи суть... но истиной этого бытия служит их конец» [27, с. 143].

Общенародную (всеобщую) собственность растащили по частям, большая часть природы истреблена, захватывать рынку снаружи больше нечего. Внутри же системы уже заложен механизм самоуничтожающегося вырождения, все элементы которой или окончательно деградировали, либо близки к этому. Рыночная экономика вступила в свою заключительную фазу, которая есть *предел капитализма*, при котором способность к прогрессу вырождается абсолютно и сначала трансформируется в мутацию, сопровождаемую невиданными по своим масштабам крушениями в хозяйственном укладе общества, а затем завершается катастрофой – неминуемым крахом самой системы. Остановившись в развитии, она постепенно эту анизотропию к нему теряет; потеряв ее, она слабеет; ослабев, она разрушается; разрушившись, она освобождает место для другой, более прогрессивной, модели производственных отношений: «в развитии хозяйства разрешается противоречие между его становлением в истории и пределом этого становления – границей с другими типами хозяйства» [22, с. 51].

Литература

1. Лукин С.В. Библейские основы православного учения об оплате труда // Проблемы современной экономики. 2009. № 1.
2. Лукин П. Святители Василий Великий и Григорий Нисский о земном богатстве и его использовании // Проблемы современной экономики. 2011. № 4.
3. Самсонова Т.Н. Трактат равенства в критическо-утопическом социализме и коммунизме // Вестник МГУ. Сер. 18. 2004. № 2.
4. Задорожный Г.В. Частная собственность как нравственная проблема. URL: <http://ukrcoop-journal.com.ua/2010-3/num/zadorozhny.htm>
5. Осипов Ю.М. Очерки философии хозяйства. М., 2000.
6. Болдырев Ю. Коррупция – системное свойство постсоветского российского капитализма // Российский экономический журнал. 2011. № 3. С. 50, 51.
7. Стецюра Т.Д. Хозяйственная этика Фомы Аквинского. М. : РОССПЭН, 2010.
8. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии. СПб. : Евразия, 2010.
9. Колычева Е.Ю. Христианские мыслители средневековья о соотношении экономики и нравственности // Проблемы современной экономики. 2012. № 3.
10. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4.
11. Дубянский А.Н. К вопросу об осуждении ростовщичества и процентов в христианстве // Проблемы современной экономики. 2011. № 2.
12. Пищулов В.М. Определение налога – налог как долговое отношение // Финансы и кредит. 2011. № 41.
13. Шейнин Л. Публичная собственность и проблемы налогообложения // Общество и экономика. 2011. № 11–12.
14. Львов Д.С. // Свободная мысль-XXI. 2004. № 9.
15. Мальцев Г.В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. М., 2005, С. 163, 164, 163.
16. Бринчук М.М. Частная собственность и природа // Государство и право. 2011. № 9. С. 29, 30, 32–33.
17. Бринчук М.М. Природа – публичное благо // Государство и право. 2013. № 8. С. 21, 22.
18. Теория государства и права / отв. ред. Г.Н. Манов. М., 1996. С. 88, 89.
19. Сен-Марк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 53, 421.
20. Тетиор А. Чем опасен день «промаха» Земли? // Зеленый мир. 2010. № 9–12. С. 4.
21. Важенкина И.С. Возвышение потребностей и «тупики» потребления // ЭКО. 2012. № 11. С. 142, 143.
22. Румянцев М.А. Пределы капитализма // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. С. 51.
23. Лукин С.В. Ветхозаветный и новозаветный взгляд на кризисные явления в экономике // Проблемы современной экономики. 2009. № 4.
24. Расков Д.Е. Собственность в восприятии староверов-странников: спор о паровой мельнице начала XX века // Проблемы современной экономики. 2009. № 2.
25. Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции // Российский экономический журнал. 2012. № 5.
26. Ольсевич Ю. Психология рынка и экономическая власть // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 103, 105.
27. Гегель. Наука логики. М., 1970. Т. 1.

The Sunset of the Era of the Market Economy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics. 2021. 55. pp. 237–252. DOI: 10.17223/19988648/55/15

Yuri G. Shvetsov, Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russian Federation).
E-mail: yu.shvetsov@mail.ru

Keywords: market economy, private property, labor and capital, money, banks, consumer and exchange value, limit of capitalism.

The article substantiates the assertive flaw in the theoretical platform of the market economy, proves the inevitability of the historical degeneration of both itself and the consumer society created on its foundation. The author characterizes the insoluble contradictions of the market economy – between labor and capital, exchange and use value of the technosphere and the biosphere; reveals the essence of the fetishization of money and the mechanism of functioning of the banking system as the legal successor of usury; substantiates the state of the limit of capitalism as the final phase of its development. The author emphasizes that commodity-money relations create an objective impossibility of harmonizing the interests of all members of society and lead to the dominance of the plutocracy class, which has subordinated all its natural, financial and labor resources. The author shows the unsightly role of the state in the decorum: it concentrated all its efforts on supporting the wealthiest strata of the population and actually left its least socially protected part to the mercy of fate. Attention is drawn to the fact that the transformation of money into capital, which increases simultaneously with the growth of the size of commercial activity, led to a complete alienation from labor and doomed workers to poverty and misery. The author shows that, under the conditions of private ownership, the utilitarian purpose of the goods, which is expressed in use value, is replaced by the parameter of its prestige, reflecting mainly exchange value, which distorts the normal balance of supply and demand in society, and is a source of unproductive consumption. The article proves the inefficiency and social injustice of distribution relations in the field of environmental management, which leads to the concentration of rent payments in the hands of the oligarchy and the elimination of the institution of public consumption funds. The abrasion of the market economy is substantiated, within which the internal contradictions accumulated over time cannot be resolved and lead to a breakdown of the model of production relations.

References

1. Lukin, S.V. (2009) Bibleyskie osnovy pravoslavnogo ucheniya ob oplate truda [Biblical foundations of the Orthodox teaching on wages]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics.* 1.
2. Lukin, P. (2011) Svyatiteli Vasilii Velikiy i Grigoriy Nisskiy o zemnom bogatstve i ego ispol'zovanii [St. Basil the Great and St. Gregory of Nyssa on earthly wealth and its use]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics.* 4.
3. Samsonova, T.N. (2004) Traktovka ravenstva v kriticheskoy-utopicheskoy sotsializme i kommunizme [Interpretation of equality in critical utopian socialism and communism]. *Vestnik MGU. Ser. 18 – Moscow State University Bulletin. Series 18.* 2.
4. Zadorozhnyy, G.V. (2010) *Chastnaya sobstvennost' kak nravstvennaya problema* [Private property as a moral issue]. [Online] Available from: <http://ukrcoop-journal.com.ua/2010-3/num/zadorozhny.htm>
5. Osipov, Yu.M. (2000) *Ocherki filosofii khozyaystva* [Essays on the philosophy of the economy]. Moscow: Yurist'.
6. Boldyrev, Yu. (2011) Korruptsiya – sistemnoe svoystvo post-sovetskogo rossiyskogo kapitalizma [Corruption as a systemic property of post-Soviet Russian capitalism]. *Rossiyskiy ekonomicheskij zhurnal – Russian Economic Journal.* 3.

7. Stetsyura, T.D. (2010) *Khozyaystvennaya etika Fomy Akvinskogo* [The economic ethics of Thomas Aquinas]. Moscow: ROSSPEN.
8. Le Goff, J. (2010) *Srednevekov'e i den'gi: ocherk istoricheskoy antropologii* [Money and the Middle Ages: An Essay in Historical Anthropology]. Translated from French. St. Petersburg: Evraziya.
9. Kolycheva, E.Yu. (2012) Khristianskie mysliteli srednevekov'ya o sootnoshenii ekonomiki i nravstvennosti [Christian thinkers of the Middle Ages on the relationship between economy and morality]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 3.
10. Aristotle. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Mysl'.
11. Dubyanskiy, A.N. (2011) K voprosu ob osuzhdenii rostvshchichestva i protsentov v khristianstve [On condemning usury and interest in Christianity]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 2.
12. Pishchulov, V.M. (2011) Opredelenie naloga – nalog kak dolgovoe otnoshenie [Definition of tax: tax as a debt relationship]. *Finansy i kredit – Finance and Credit*. 41.
13. Sheynin, L. (2011) Publichnaya sobstvennost' i problemy nalogooblozheniya [Public property and taxation problems]. *Obshchestvo i ekonomika*. 11–12.
14. L'vov, D.S. (2004) *Nravstvennaya ekonomika* [Moral economy]. *Svobodnaya mysl'-XXI*. 9.
15. Mal'tsev, G.V. (2005) *Razvitie prava: k edineniyu s razumom i naukoy* [Development of law: towards unity with reason and science]. Moscow: NORMA.
16. Brinchuk, M.M. (2011) Chastnaya sobstvennost' i priroda [Private property and nature]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 9.
17. Brinchuk, M.M. (2013) Priroda – publichnoe blago [Nature as a public good]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 8.
18. Manov, G.N. (ed.) (1996) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: BEK.
19. Saint-Marcq, F. (1977) *Sotsializatsiya prirody* [Socialization of nature]. Moscow: Progress.
20. Tetior, A. (2010) Chem opasen den' "promakha" Zemli? [What is the danger of the Earth's "miss" day?]. *Zelenyy mir*. 9–12.
21. Vazhenina, I.S. (2012) Vozvyshenie potrebnostey i "tupiki" potrebleniya [The rise of needs and "dead ends" of consumption]. *EKO*. 11.
22. Rumyantsev, M.A. (2012) Predely kapitalizma [The Limits of Capitalism]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 3. pp. 51.
23. Lukin, S.V. (2009) Vetkhozavetnyy i novozavetnyy vzglyad na krizisnye yavleniya v ekonomike [Old Testament and New Testament Views on Crisis Phenomena in Economy]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 4.
24. Raskov, D.E. (2009) Sobstvennost' v vospriyatii staroverov-strannikov: spor o parovoy mel'nitse nachala XX veka [Property in the Perception of Old Believers-Wanderers: A Dispute about a Steam Mill at the Beginning of the 20th Century]. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 2.
25. Lifshits, M. (2012) *Nravstvennoe znachenie Oktyabr'skoy revolyutsii* [Moral significance of the October Revolution]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal – Russian Economic Journal*. 5.
26. Ol'sevich, Yu. (2011) Psikhologiya rynka i ekonomicheskaya vlast' [Psychology of the market and economic power]. *Voprosy ekonomiki*. 4.
27. Hegel, G.W.F. (1970) *Nauka logiki* [Science of logic]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.